

УДК 72.03
ББК 85.11
DOI 10.18688/aa2414-6-35

К. В. Линькова

Византийский стиль в русской архитектуре второй половины XIX века: специфика военных храмов¹

Процесс поиска национального в искусстве был частью общей тенденции второй половины XIX века: рост национальных движений в государствах Центральной и Восточной Европы 1848–1849 гг. привел к масштабным изменениям не только в искусстве и культуре, но и в политике. В ответ на вызовы новых национальных идей империи были вынуждены модернизироваться — внутри каждой из них постепенно начинался процесс «нациестроительства» (нем. *Nationenbildung*) [17, с. 9].

Национальные движения не обошли стороной и Российскую империю. В 1830–1831 гг. вспыхнуло польское восстание, которое повлекло за собой оживление русской общественной мысли и дискуссий о нации. Свою концепцию нациестроительства разработали славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, и позднее присоединившиеся к ним К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин). Однако, Николай I боялся революции и стремился «сохранить Россию от революционной заразы» [3, с. 380]; император не доверял славянофилам и их идее «особого пути России», которая должна была привести к объединению всех славян [3, с. 390]. Понятие «нация» постепенно вытеснялось из публичного оборота и заменялось понятием «народность», впервые использованным П. А. Вяземским в 1819 г. [14]. Сформулированная в С. С. Уваровым в 1832 г. теория «официальной народности» (кратким девизом которой стало выражение «Православие, Самодержавие, Народность») во второй половине царствования Николая I заняла место государственной идеологии. После 1848–1849 гг. всё очевиднее становилась важность национальной проблематики. Так, славянофил К. С. Аксаков высказал идею о «негосударственном характере русского народа» («О внутреннем состоянии России», 1855), передав таким образом решение национального вопроса в руки государства, а после польского восстания 1863 г. имперская администрация выступила активным «игроком» в процессе нациестроительства: начался переход к т.н. «бюрократическому национализму» [22, р. 117]. Российская империя начала политику русификации: критерием «русскости», как предлагали славянофилы, было выбрано православие, которое во многом и стало основой «национального мифа».

Приблизительно с 1850-х гг. в живописи начался процесс «изобретения» русской школы [21, с. 351], характеризовавшийся обращением к сюжетам русской истории, на-

¹ Автор выражает благодарность Вадиму Григорьевичу Бассу — за неожиданное вдохновение, Илье Аскольдовичу Доронченкову — за конструктивные комментарии, Дарье Лихачевой — за вдумчивое чтение, а также своему научному руководителю, Льву Карлосовичу Масиелю Санчесу — за неудобные вопросы.

циональным пейзажам, возвышению бытового жанра и изображению сцен из русской повседневности. В архитектуре аналогичный поиск привел к формированию одного за другим «национальных» стилей: русско-византийского, византийского и русского. Русско-византийский стиль (1830-е–1860-е гг.), созданный К. А. Тоном, и поддержанный Николаем I, был призван иллюстрировать идею преемственности Российской империи Византии как главной православной империи. Однако, в силу почти полного отсутствия знаний как о византийских, так и о средневековых русских памятниках, это направление в глазах современников довольно быстро перестало отвечать поставленным задачам, что привело к возобновлению стилистических поисков. Византийский стиль (1850-е–1910-е гг.) также подчеркивал византийские истоки православия, однако, уже с опорой на реальные византийские образцы², в то время как русский (1880-е–1900-е гг.) представлял собой творческую переработку форм «дивного узорчья» XVII в.

Архитектура «национальных» стилей стала одним из самых мощных средств распространения национального мифа: церковное строительство в XIX в. оставалось во многом в руках государства, а храмы строились не только в исторически православных центральных областях империи, но и на её окраинах, где они утверждали имперское господство и распространяли православие на нехристианских территориях империи. Не последнюю роль в этом процессе сыграли военные храмы, которые, на наш взгляд, были наиболее близкими официальной государственной политике.

Традиция возведения военных храмов берёт своё начало в допетровскую эпоху: свои церкви были ещё у стрелецких полков, а уже в конце XVIII в. эти храмы были переданы от епархий Военному и Морскому ведомствам [16, с. 21]. Особенно масштабное строительство развернулось в середине XIX в., начиная со второй половины правления Николая I. Кампания по возведению военных храмов должна была обеспечить своей церковью каждый гвардейский полк. Эта задача сохраняла актуальность на протяжении всей второй половины XIX в., приобретая все больший размах в связи с увеличением числа полков и их постоянными перемещениями по территории империи: при каждом следующем императоре количество построенных военных храмов было больше, чем при предыдущем. В 1901 г., при Николае II, была создана специальная комиссия по вопросу об удовлетворении религиозных нужд войск, возглавляемая И. Д. Татищевым: её главной целью было распределять государственное финансирование на строительство, чтобы каждый полк имел свою церковь [12, с. 358].

При Николае I храмы — в основном, войсковые соборы — строились по типовым проектам архитектора К. А. Тона и большим разнообразием не отличались. Начиная с правления Александра II, когда сложилось два других варианта «национального» стиля, типология храмов становилась куда более разнообразной, а география построек расширялась. Наибольшее количество церквей было построено в русском стиле, но существовали и постройки византийского стиля. В настоящей статье мы остановимся на военных храмах византийского стиля, и попытаемся выяснить, существовали ли какие-либо признаки, отличавшие их от всех остальных церковных построек этого стиля. Для этого по возможности полно очертим круг памятников, и, проанализировав архитектуру построек, сделаем вывод о наличии или отсутствии композиционных и стилистических особенностей.

Военные храмы половины XIX – начала XX вв. как особый архитектурный феномен пока не становились объектом специального научного исследования, хотя им по-

² Подробнее об этом см. [11].

священы монографии (В. В. Клавинг [8], В. М. Котков [9]) и статьи (Т. В. Прохорова [18], А. И. Макаров [15], А. И. Агафонов [1])). Но, в основном эти исследования ограничиваются краткой исторической справкой и переходят к перечислению построек с приведением кратких сведений о них, не уделяя особенного внимания архитектуре. С другой стороны, в исследованиях, посвящённых византийскому стилю в архитектуре России (Ю. Р. Савельева [19], Е. М. Кишкиновой [6]) военные храмы анализируются лишь в том случае, если они построены известными архитекторами, причём функции постройки и её истории внимание чаще всего не уделяется.

Более того, пока нет чёткого представления о том, что именно следует понимать под военными храмами. На наш взгляд, существует несколько возможных вариантов их определения:

1. храмы, построенные на средства Военного и Морского ведомств;
2. храмы, находящиеся в ведомстве Протопресвитера военного и морского духовенства (вне зависимости от их финансирования);
3. храмы, обслуживающие непосредственно солдат и офицеров (полковые церкви и крепостные соборы);
4. храмы, «закрепляющие» завоевания и увековечивающие победы и поражения русского оружия.

Перечисленные выше варианты, совпадают далеко не полностью, но и не являются взаимоисключающими. Полковые церкви могли строиться на частные средства, а воинские соборы долгое время финансировались Епархиальным ведомством. Следует отметить, что должность Протопресвитера военного и морского духовенства, как и Положение об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств, были утверждены только в 1890 г., а значит, все церкви, построенные до этого, были переданы в это ведомство уже после, что затрудняет понимание их изначальных функций.

Кроме того, остается нерешённым вопрос со всеми храмами, построенными в генерал-губернаторствах (например, в Туркестанском генерал-губернаторстве), возглавляемых генерал-губернаторами, или в Области Войска Донского, которой руководил войсковой наказной атаман — постройки на этих территориях могли восприниматься как военные как минимум из-за специфики администрации.

В настоящей статье мы попробуем собрать и проанализировать постройки, отвечающие хотя бы одному из приведённых нами вариантов определения военных храмов, и постараемся увидеть композиционные и стилистические взаимосвязи между ними. Такой анализ поможет нам приблизиться к пониманию феномена военных храмов как такового.

Нам кажется целесообразным разделить исследование на три раздела, совпадающих в своей хронологии с периодами правления трёх императоров: Александра II, Александра III и Николая II.

Первый этап строительства (до 1881 года)

Первый памятник, который мы будем рассматривать — собор Николая Чудотворца в Брестской крепости (1851–1879 гг. Брест, 1919 г. — перестройка в костел Ю. Лисецким). Авторство проекта и обстоятельства его создания, а также даты строительства собора, не до конца ясны³. Мы склонны с большой степенью вероятности атрибутиро-

³ Е.М. Кишкинова сомневается в атрибуции постройки Гримму, но датирует её 1871–1879 гг., А.В.Берташ приписывает церковь архитектору, но приводит широкую дату, 1851–1867 гг., И. Н. Слюнько-

вать эту постройку Д. И. Гримму, исходя как из сведений источников⁴, так и из архитектурного анализа.

Постройка представляет собой трёхнефную трёхапсидную базилику. Выбор базиликальной формы во многом объясняется расположением церкви в военной крепости: во-первых, по утверждению Цитовича [20, с. 238], она не должна была сильно выделяться по высоте, а во-вторых, предполагала большое количество прихожан, т.е. должна была быть достаточно вместительной⁵. Объёмно-пространственная композиция церкви представляет собой вполне узнаваемую вариацию храма Св. Софии Константинопольской: купольный свод на парусах, повторяющийся мотив арки, заполнение стены окнами: северная и южная стена представляют собой уменьшенные как в ширину, так и в высоту, варианты стен Св. Софии. В декоративном убранстве связи со Св. Софией далеко не так очевидны, тем не менее, в нём присутствует ряд элементов, характерных для византийского стиля Д. И. Гримма: ряды арочных окон, кресты на фасадах, врезанные в углы постройки колонки. Но именно это отклонение от «византийской» линии и позволяет относить создание проекта Николаевского собора к более раннему периоду творчества архитектора, поскольку в 1860-х–1870-х гг. его постройки были уже куда более тесно связаны с византийскими прототипами. В таком случае эта постройка относится к периоду формирования византийского стиля, то есть к 1850-м гг.⁶

Уже к началу зрелого, «археологизированного» этапа стиля относится Владимирский собор в Севастополе, спроектированный и построенный А. А. Авдеевым вместо первоначального проекта К. А. Тона⁷ (проект Авдеева 1862 г., строительство 1873–1888 гг.). Храм, который первоначально должен был стать памятником крещению князя Владимира⁸, в итоге увековечил героическую смерть русских адмиралов в ходе Крымской

ва также приписывает постройку Гримму, датируя её 1856–1879 гг. Документальных свидетельств на настоящий момент не обнаружено.

⁴ Так, в журнале «Нива» за 1877 г. указано: «К закладке постоянной крепостной церкви было приступлено в 1851 г. [...] В 1874 г. была начата постройка новой церкви и только 1 сентября 1876 г. гарнизон крепости дождался окончательно сделанной построенной крепостной церкви, во имя св. Николая Чудотворца [...] Строителем крепостной церкви был инженер Иванов. Проект принадлежит профессору Гримму» [10, с. 85]. Г.А. Цитович подтверждает, что план был составлен Гриммом, а строительство производил военный инженер капитан Л. М. Иванов [20, с. 238].

⁵ Подробнее о специфике базиликальной композиции см. Линькова К. В. Полковые базилики и их место в русской архитектуре второй половины XIX — начале XX века // Искусствознание. 2022. № 2. С. 350–365 [12].

⁶ Е. М. Кишкинова выделяет несколько этапов развития этого направления: 1) «уходящий корнями в романтизм», т.е. «романтический» (конец 1840-х–1850-е гг.), характеризующийся вольной интерпретацией небольшого числа элементов византийской архитектуры и смешением их с формами других стилей; 2) «археологизированный» (1860-е гг.), который отличает точное следование образцам, вниманием не только к деталям декора, но и к пропорциям и объёмно-пространственным решениям; 3) не имеющий в настоящий момент названия, но могущий быть условно названным «зрелым» (1870-е – сер. 1890-х гг. и далее) как по количеству и широте распространения памятников, так и по сложности использованных композиций (пятикупольность, колокольни, галереи). Однако, этот этап характеризуется и определенной стагнацией, сухостью и повторяемостью декора; и, наконец, 4) также не имеющий специального названия и отличающийся влиянием модерна (конец 1890-х – 1900-е гг.).

⁷ По проекту Тона были возведены стены подвального этажа и фундамент, затем строительство было прервано осадой Севастополя [19, с. 40].

⁸ Эту функцию в итоге выполнил Владимирский собор в Херсонесе, построенный Д. И. Гриммом (проект 1859 г., 1861–1879 гг.).

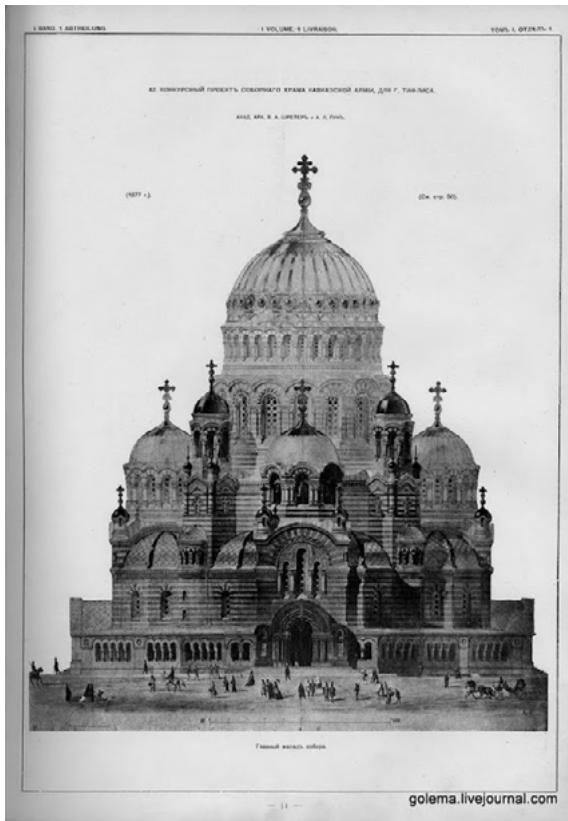

Рис. 1. В. А. Шретер и А. Л. Гун. Конкурсный проект собора Александра Невского в Тифлисе. 1865 г. Опубликовано в: Зодчий. СПб., 1878. Л. 51

В 1865 г. был объявлен конкурс на проект церкви св. благоверного князя Александра Невского в Тифлисе (ныне — Тбилиси). Храм должен был стать «памятником славного окончания Кавказской войны» и ему было определено соответствующее место: на Гунибской площади, в центре Тифлиса [20, с. 399]. Три премии были присуждены В. А. Шретеру и А. Л. Гуну (Рис. 1), Д. И. Гримму и Р. А. Гедике, Л. В. Далю соответственно. Высочайше одобрен был проект Гримма–Гедике, который, при своем «характере серьезной монументальности и простоты», был рассчитан на меньшую сумму, чем проект Шретера–Гуна [6, с. 83].

Возведенный собор Александра Невского (строительство 1890-е гг., тогда же возведена колокольня, спроектированная без участия Д. И. Гримма; освящен в 1897 г.; в 1930 г. был взорван) представляет собой любопытное соединение тетраконха с крестово-купольной композицией. Главный полукруглый купол окружен четырьмя полукуполами, образующими пространственный крест. И несмотря на то, что форма тетраконха порождает целый ряд разнообразных ассоциаций — от Сан Лоренцо Маджоре в Милане, церковью Богородицы Мухлиотиссы (XI в.) и Богоматери Камариотиссы на

войны (1853–1856 гг.): собор был построен над могилами адмиралов, в нижней церкви были помещены могильные плиты.

Композиционно Владимирский собор — одноглавый храм типа вписанного креста на четырех трехколонных столпах с притвором. Однако, архитектор понизил и скруглил углы основного объема, а получившиеся грани прорезал арочными окнами, такими же, как на барабане купола. Такое решение придало постройке некоторое сходство с тетраконхом: скругленные объемы на углах напоминают экседры.

Декоративное убранство храма изобилует элементами, присущими византийскому стилю, многие из которых Авдеев, на наш взгляд, заимствует у Херсонесского собора Гримма (проект 1859 г., 1861–1879 гг.): «полосатая» кладка, врезанные в углы здания колонки, византийские оконницы в окнах. Тем не менее, Авдеев куда внимательнее работает с ордерными элементами: так, колонны, поддерживающие основные арки фасадов выполнены в византийской вариации коринфского ордера.

острове Халки (XI в.) до ренессансных построек и архитектуры Закавказья, здесь существует и отсылка к Св. Софии Константинопольской, достигаемая за счет наличия полукуполов и их формы, а также обилия конх в интерьере.

Тифлисский собор Гримма существенно повлиял на дальнейшее развитие византийского стиля: храмы-тетраконхи, созданные архитекторами в дальнейшем, так или иначе восходят к Александро-Невскому собору. Однако, как мы увидим далее, не меньше влияние, в т.ч. и на военные храмы, оказал проект Шретера–Гуна, опубликованный в журнале «Зодчий» в 1878 г. Как и в проекте Гримма–Гедике архитекторы выбирают форму тетраконха, соединяя её с пространственным крестом. Но проект Шретера–Гуна куда более сложный, в нём больше разнообразных объёмов, которые, с одной стороны, перетекая друг в друга, придают композиции пирамидальность, а с другой — лишают её той целостности, которой обладал финальный проект Гримма.

Центральный купол с двумя рядами окон окружен четырьмя небольшими главками, поставленными по углам постройки. Эта композиция окружена тремя полукуполом над приделами и апсидой, к которым, в свою очередь, примыкали полукупола меньшего объема; весь храм должен был быть окружен галереей.

Именно эта множественность объёмов и, как следствие, дороговизна постройки, стали причиной, по которой этот проект так и не был воплощен [19, с. 43].

Время создания проекта позволяет отнести к первому этапу византийского стиля собор Спаса Преображения в Ташкенте (проект 1871 г., строительство 1886–1887 гг.). Храм был построен по желанию генерал-губернатора К. П. Кауфмана (занимал должность с 1867 по 1882 гг., храм впоследствии стал местом его захоронения) и при поддержке исполняющего обязанности Главного Начальника Туркестанского края генерала Г. А. Колпаковского. По утверждению Г. А. Цитовича, «первый эскиз большого Ташкентского собора (*был составлен. — К. Л.*) архитектором Розановым, разработанный в подробностях военными инженерами» [20, с. 455]. Предположение, что под Розановым подразумевается А. И. Резанов, кажется маловероятным не только потому, что для Резанова не была типична такая версия византийского стиля, но и потому, что разработанный в итоге проект оказался недостаточно грамотным: «по утвержденному проекту вполне прочное здание возвести нельзя» [20, с. 454]. По другим данным автором проекта выступил архитектор Л. Я. Урлауб.

Преображенский собор — одноглавый четверик с отдельностоящей колокольней. Угловые ячейки понижены практически на треть высоты основного объема, что создает определенную связь с Владимирским собором Авдеева. Фасады завершены огромными закомарами, по одной на каждом. Именно они, вместе с арочными окнами (тройными на фасаде и двойными на барабане), формой барабана и двцветной кладкой придают храму «византийский» облик. Колокольня — элемент, нехарактерный для византийской архитектуры — в византийском стиле появляется позднее, и скорее подчеркивает попытку придать храмам этого направления более «православный» вид.

К числу военных храмов можно отнести и построенный в 1871 г. собор Александра Невского в Феодосии (не сохр.), ставший впоследствии местом захоронения вице-адмирала В. М. Микрюкова. Постройка представляет собой трехнефную базилику с куполом над средокрестием — композицию, в целом нетипичную для русской храмовой архитектуры. Базилики получили распространение уже в начале XX в. в качестве пол-

ковых церквей. В таком случае, собор Александра Невского стал бы одной из первых военных базилик⁹. Однако, пока нам не удалось обнаружить иных сведений, подтверждающих связь этой церкви с военной сферой, что не позволяет с уверенностью вписать эту постройку в составленный нами ряд.

Итак, храмы, построенные в рамках выделенного нами первого этапа строительства военных церквей, это в основном постройки крупных архитекторов. Многообразные по композиции, они отражают происходившие в это время поиски средств выразительности для формирующегося стилистического направления.

Второй этап строительства (1881–1894)

В период правления Александра III византийский стиль, во многом, теряет свою позицию ведущего национального стиля, уступая это место русскому стилю. После конкурса на проект храма Воскресения Христова памяти Александра II, во время которого все проекты в византийском стиле были отклонены, русский стиль стал восприниматься как «официальный». Византийский стиль продолжил развиваться преимущественно в провинции силами выпускников Института гражданских инженеров, а не Академии художеств. Военные храмы иллюстрируют эту тенденцию.

В 1891–1895 гг. был построен крепостной собор Петра и Павла¹⁰ в Ковно (ныне Каунас). Храм строился по проекту военного инженера К. Х. Лимаренко [19, с. 115], и возводился им совместно с В. С. Неплюевым. Постройка представляет собой достаточно незаурядный как в композиционном, так и в декоративном отношении образец византийского стиля. К крестово-купольному объему с трех сторон примыкают ризалиты, представляющие собой вариацию на тему триумфальной арки. Храм увенчан мощным пятиглавием, причём боковые барабаны не теряются на фоне центрального, а уравновешены с ним. Форма куполов шлемовидная, более близкая византийской архитектуре. При этом, во внешнем убранстве ярко выражены ордерные элементы: арки ризалитов поддержаны мощными тройными колоннами (тот же прием, только в уменьшенном варианте повторяется и у арок входа), углы отмечены мощными пилястрами. В сводах арок — два ряда кессонов. Несмотря на то, что капители колонн и пилястр византийские, общее количество этих элементов и их значение в общем облике сооружения несколько больше, чем было типично для построек византийского стиля. Кроме того, у Петропавловского собора отсутствует ещё одна важная черта: узкие двойные или тройные арочные окна, игравшие огромную роль в создании «византийского» образа. Эти особенности позволили современникам назвать стиль собора «римско-византийским» [19, с. 109].

Практически одновременно с возведением храма в Ковно Лимаренко принимал участие в строительстве ещё одного здания — собора Вознесения Господня в Новочеркасске. Проект был создан архитектором А. А. Яценко в 1891 г., до 1893 г. под его руководством велись земляные работы, а с 1896 г. строительство возглавил Лимаренко (храм был возведён к 1901 г., но освещён только в 1905 г.) [19, с. 115] (Рис. 2). Крестово-купольный пятиглавый собор с колокольной и примыкающими к нему с двух сто-

⁹ Базиликальные полковые церкви получили широкое распространение в начале XX века, но строились они в русском стиле. Подробнее см. Линькова К. В. Полковые базилики и их место в русской архитектуре второй половины XIX — начале XX вв. [12].

¹⁰ В настоящее время — католический костел св. Михаила Архангела.

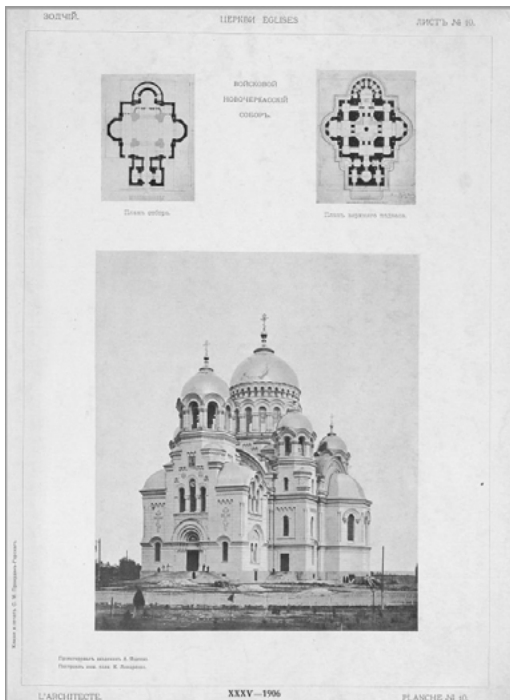

Рис. 2. А. А. Яценко, К. Х. Лимаренко. Собор Вознесения Господня в Новочеркасске. 1893–1901 гг. Опубликовано в: Зодчий. СПб., 1906. Л. 10

Рис. 3. А. А. Яценко. Церкви Казанской иконы Божией Матери в Оренбурге. План. 1886 г. Опубликовано в: Зодчий. СПб., 1887. Л. 1

рон полукруглыми объёмами, по форме повторяющими апсиду, представляет собой оригинальное соединение двух других проектов архитектора: церкви Казанской иконы Божией Матери в Оренбурге (1886–1887 гг.; не сохр.) (Рис. 3) и собора Александра Невского в Ростове-на-Дону (1891–1908 гг.; не сохр.). Оренбургский храм — тетраконх с колокольней, во многом напоминающий проект Тифлисского собора Шретера-Гуна: главный купол с трех сторон окружён полукуполами и фланкирован меньшими по размеру четырьмя главами, которые на фоне основного купола смотрятся почти декоративными. Новочеркасский собор уже не тетраконх, на эту форму отдалённо намекают только боковые полукруглые объёмы без отдельных куполов. Колокольня увеличена, она равновесна основному объёму. Храм Александра Невского ближе в новочеркасскому по структуре; в массивном пятиглавии боковые главы помещены на постаменты, что придает завершению собора пропорциональность и гармоничность. Это же пятиглавие Яценко использует и в Вознесенском храме, но здесь центральный барабан выделен двумя рядами арочных окон — приём, также восходящий к Тифлисскому проекту Шретера-Гуна.

Как мы видим, Вознесенский собор в Новочеркасске вписывается в линию развития творчества Яценко. Кроме того, в нём присутствуют почти все черты, характерные для византийского стиля: арочные окна, врезанные в углы здания колонки, кресты на фасадах и зубчатые ниши, появившиеся впервые в Тифлисском соборе Д. И. Гримма.

Добавление колокольни отвечало общей тенденции, получившей распространение в эпоху Александра III: так храмам придавался более привычный, «православный» вид.

Как военную (при 8-ом Туркестанском стрелковом полку) часто указывают церковь Александра Невского в Новом Маргилане (ныне Фергана, 1891–1899 гг., не сохр.) [20, с. 463]. Однако, церковь была переведена в ведение Протопресвитера военного и морского духовенства (с 1888 г. должность занимал А. А. Желобовский) только в 1900 г., изначально она строилась как городской собор.

Итак, во время второго этапа строительства военные храмы перемещаются ближе к окраинам империи, а строят их уже не выпускники Академии художеств, а инженеры.

Третий этап строительства (1894–1917)

В начале XX в. снова происходит обращение к византийскому стилю на уровне более крупных заказов. Это хорошо иллюстрирует история проектирования и строительства Никольского Морского собора в Кронштадте. На первый конкурс на проект Никольского собора, объявленный в 1897 г. по инициативе вице-адмирала Н. И. Казнакова (на тот момент он был командиром Кронштадтского порта), было представлено три проекта: В. В. Сулова, Г. Г. Голли и А. О. Томишко — все в русском стиле [4, с. 221]. Эти проекты не удовлетворили строительный комитет, и в 1898 г. был объявлен второй конкурс, в результате которого был утвержден новый проект Томишко, также в русском стиле. Однако, и этот вариант не был реализован: сменивший Казнакова на его посту С. О. Макаров отказался от утвержденного императором проекта и передал заказ В. А. Косякову, который в 1901 г. представил свой вариант Никольского собора, уже в византийском стиле [4, с. 225].

Любопытно, что заказчики, отвергая один за другим проекты, не мотивировали это стилистическими предпочтениями. Более того, в качестве прототипа будущего храма архитектору была указана только что возведенная им церковь Успения Богородицы в подворье Киево-Печерской Лавры (1894–1900 гг.) в русском стиле. Исследователями пока не было обнаружено никаких свидетельств, объясняющих причины обращения к византийскому стилю [4, с. 239].

Никольский морской собор очевидно ориентируется на Св. Софию Константинопольскую, но в отличие от Тифлисского тетраконха Гримма, Косяков отталкивался, в первую очередь, от её плана. Его постройка — купольная базилика, хоть и несколько других, чем Св. София, пропорций. Центральный купол с двух сторон окружен полукуполами, каждый из которых также окружён тремя полукуполами меньшего размера. Однако, пропорции купола и барабана (особенно главного) в этой постройке иные, ближе к храмам византийского стиля, чем к знаменитому прототипу. Более того, центральный купол, как и в проекте Тифлисского собора Шретера-Гуна также обрамлен четырьмя малыми главами. В декоре архитектор практически не использует элементов, типичных для византийского стиля, отдав предпочтение романским мотивам: двубашенный портал, перспективные порталы на низких колоннах, аркатурно-колончатые пояса, розы, покрытие плоскости стены каменной резьбой, отдельные части которой напоминают Дмитриевский собор во Владимире.

С 1901 по 1906 гг. в Кельце (Польша) возводилась церковь Николая Чудотворца при 5-м и 6-м стрелковых полках 2-ой стрелковой бригады. Большая часть стоимости по-

стройки (50 000 из 65 000 рублей) была пожертвована частными благотворителями [20, с. 242]. Тем не менее, поскольку храм изначально обслуживал нужды полков, он находился в ведомстве военного Протопресвитера.

Церковь представляет собой сравнительно небольшой тетраконх, рассчитанный на 900 человек, с угловыми компартиментами и колокольной, в целом довольно сильно напоминающий тетраконхи В. А. Косякова (например, церковь Милующей Божией Матери в Санкт-Петербурге, 1888–1898 гг.).

В целом, нам удалось собрать небольшое (менее десяти) количество памятников, которые бы отвечали хотя бы одному из возможных определений военных храмов.

Из рассмотренных нами памятников, по имеющимся данным, на средства Военного министерства были построены Николаевский собор в Брестской крепости и Петропавловский собор в Ковно (обе постройки — храмы в крепостях). Кроме них, непосредственно солдатские нужды обслуживали две полковые церкви в Кельце и Новом Маргилане. Отчётливо выделяются два больших собора, выполнявших мемориальную функцию — Тифлисский и Кронштадтский, первый из которых был памятником победы в Кавказской войне, а второй — символической могилой морских офицеров, матросов и священнослужителей. Напротив, наличие захоронений как таковых не является, на наш взгляд, достаточным для включения построек в ряд военных. Кроме Кронштадтского собора захоронения присутствовали ещё в трёх постройках: Севастопольском соборе Авдеева, Спасо-Преображенском соборе в Ташкенте и Александро-Невском соборе в Феодосии. Однако, во всех этих постройках захоронения были добавлены позднее, а значит, вероятнее всего, не влияли на выбор стиля постройки.

Композиционные и стилистические параллели, которые возникают между рассмотренными нами сооружениями, обусловлены не их функцией, а логикой развития византийского стиля и творчества конкретных архитекторов.

Итак, наше исследование показало, что военные храмы византийского стиля, в отличие от военных храмов в русском стиле, не были так широко распространены и, в этом смысле не стали значительным средством распространения национального мифа и имперской идеологии. Однако, среди военных построек византийского стиля есть, как минимум, два крупных собора — Тифлисский и Кронштадтский — идеологическое значение которых велико.

Литература

1. Агафонов А. И. Войсковые и полковые храмы Войска Донского и их роль в окормлении казачества в XVII – нач. XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. — 2018. — № 3. — С. 8–16.
2. Берташ А. В. Основные тенденции в развитии церковной архитектуры Северо-запада России 1830–1910-х гг. и их значение для русского храмостроительства: дис. ... канд. богословия. — СПб., 2016. — 401 с.
3. Выскочков Л. В. Николай I. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 694 с.
4. Кириченко Е. И. Архитектор Василий Косяков. — М.: БуксМАрт, 2016. — 352 с.
5. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830 – 1910-х годов. — М.: Искусство, 1982. — 400 с.
6. Кишкинова Е. М. «Византийское возрождение» в архитектуре России. Середина XIX – начало XX века. — СПб.: Искусство–СПБ, 2006. — 254 с.
7. Кишкинова Е. М. Византийский стиль в архитектуре зарубежных православных стран (середина XIX–XX веков). — Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2018. — 252 с.
8. Клавинг В. В. Военные храмы России. — СПб.: Православный летописец Санкт-Петербурга, 2002. — 164 с.

9. *Котков В. М.* Военные и морские храмы России в XIX – начале XX века: в 5 т. — СПб.: Астерион, 2020. — 5 т.
10. Крепостная Брест-Литовская церковь // *Нива*. — 1877. — № 5. — С. 84–85.
11. *Линькова К. В.* Создавая образ Византии: Д. И. Гримм и изучение византийской архитектуры // *Новое искусствознание. История, теория и философия искусства*. — 2021. — № 3. — С. 33–42. — DOI 10.24412/2658-3437-2021-3-33-41. — EDN FYXSMW.
12. *Линькова К. В.* Полковые базилики и их место в русской архитектуре второй половины XIX — начале XX века // *Искусствознание*. — 2022. — № 2. — С. 350–365. — EDN BULKCB.
13. *Лисовский В. Г.* Архитектура России XVIII – начала XX века. Поиски национального стиля. — М.: Белый город, 2009. — 567 с.
14. Народность // *Большая российская энциклопедия*. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2249738> (дата обращения: 30.01.2023).
15. *Макаров А. И.* Воинские храмы России // *Academia. Архитектура и строительство*. — 2017. — № 1. — С. 21–28.
16. *Макаров А. И.* Морские храмы России // *Academia. Архитектура и строительство*. — 2017. — № 4. — С. 17–27.
17. *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторических исследований. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 240 с.
18. *Прохорова Т. В.* Полковые храмы Санкт-Петербурга // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. — 2006. — С. 299–321.
19. *Савельев Ю. Р.* «Византийский стиль» в архитектуре России. Вторая половина XIX – начало XX века: Альбом. — СПб.: Проект-2003, Лики России, 2005. — 272 с.
20. *Цитович Г. А.*, священник. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства). — Пятигорск: Типо-лит. А. П. Нагорова, 1913. — 520 с.
21. *Чукчеева М. А.* Проблема «национального» в отечественном искусстве: дискуссия об историческом и бытовом жанрах живописи в русской прессе 1860-х годов // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой*. — МГУ имени М.В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2020. — С. 351–362. — DOI: 10.18688/aa200-2-31
22. *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). — Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998. — 295 p.
23. *Wortman R.* Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. — Boston: Academic Studies Press, 2014. — 442 p.

Название статьи. Византийский стиль в русской архитектуре второй половины XIX века: специфика военных храмов

Сведения об авторе. Линькова, Ксения Владимировна — магистр, аспирант, преподаватель. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Покровский бульвар, д. 11, Москва, Российская Федерация, 109028; klinkova@hse.ru; SPIN-код: 5377-9213; ORCID: 0009-0000-1135-1808

Аннотация. Архитектура «национальных» стилей второй половины XIX в. стала одним из самых мощных средств распространения национального мифа: церковное строительство в XIX в. оставалось во многом в руках государства, а храмы строились не только в исторически православных центральных областях империи, но и на её окраинах, где они утверждали имперское господство и распространяли православие на нехристианских территориях империи. Не последнюю роль в этом процессе сыграли военные храмы, наиболее близкие официальной государственной политике. Начиная с правления Александра II типология храмов становилась все разнообразнее, а география построек расширялась. Наибольшее количество церквей было построено в русском стиле, но существовали и постройки византийского стиля. Автор предпринимает попытку собрать и проанализировать все военные храмы византийского стиля с целью установить существование или отсутствие композиционных и стилистических особенностей, отличающих их от всех остальных церковных построек этого стиля.

Удалось собрать небольшое (менее десяти) количество военных храмов, построенных в византийском стиле. Композиционные и стилистические параллели, которые возникают между этими сооружениями, обусловлены не их функцией, а логикой развития стилистического направления и творчества конкретных архитекторов.

Ключевые слова: византийский стиль, военные храмы, национальный стиль, русская архитектура 19 века

Title. Byzantine Style in Russian Architecture of the Second Half of the 19th Century: Peculiarities of Military Churches

Author. Linkova, Ksenia V. — M.A., Ph. D. student, lecturer. National Research University Higher School of Economics, Pokrovsky Boulevard, 11, 109028 Moscow, Russian Federation; klinkova@hse.ru; SPIN-code: 5377-9213; ORCID: 0009-0000-1135-1808

Abstract. The architecture of the so-called “national” styles of the second half of the 19th century was one of the most powerful means of spreading the national myth: church construction in the 19th century remained largely in the hands of the state, and churches were built not only in the historically Orthodox central regions of the empire, but also on its outskirts, where they asserted imperial domination and promoted Orthodoxy in the non-Christian territories of the empire. A significant role in this process was played by military churches, as they were the most closely aligned with the official state policy. Starting from the reign of Alexander II, the typology of churches became more and more diverse and their geography expanded. The largest number of churches were built in the Russian style, but there were also ones in the Byzantine style. The author attempts to collate and analyze all Byzantine-style military churches in order to establish whether they exhibit compositional and stylistic features that distinguish them from all other churches of the same style.

A small (less than ten) number of military churches built in the Byzantine style was possible to find. The compositional and stylistic parallels that arise between these structures are not due to their function, but to the logic of the development of the Byzantine style and the creative work of specific architects.

Keywords: Byzantine style, regimental churches, national style, Russian architecture, 19th century

References

- Kirichenko E. I. *Russkaia arkhitektura 1830 – 1910-kh godov (Russian Architecture of the 1830–1910s)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982. 400 p. (in Russian).
- Kirichenko E. I. *Arkhitektork Vasilii Kosiakov (Architect Vasilii Kosiakov)*. Moscow, BuksMArt Publ., 2016. 352 p. (in Russian).
- Kishkinova E. M. “Vizantiiskoe vozrozhdenie” v arkhitekture Rossii. *Seredina XIX – nachalo XX veka (Byzantine Revival in the Russian Architecture. The Middle of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries)*. St. Petersburg, Iskusstvo-St. Petersburg Publ., 2006. 254 p. (in Russian).
- Kishkinova E. M. *Vizantiiskii stil’ v arkhitekture zarubezhnykh pravoslavnykh stran (seredina XIX–XX vekov) (Neo-Byzantine Style in the Architecture of Foreign Orthodox Countries (the middle of 19th–20th centuries)*. Rostov-on-Don, Donskoi gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., 2018. 252 p. (in Russian).
- Linkova K. V. Creating the Image of Byzantium: David Grimm and Studying of Byzantine Architecture. *New Art Studies. History, Theory and Philosophy of Art*, 2021, vol. 3, pp. 33–42. DOI 10.24412/2658-3437-2021-3-33-41. (in Russian).
- Linkova K. V. Regimental Basilicas and Their Place in Russian Architecture of the Second Half of the 19th – Early 20th Century. *Art Studies Magazine*, 2022, vol. 2, pp. 350–365 (in Russian).
- Lisovskii V. G. *Arkhitektura Rossii XVIII – nachala XX veka. Poiski natsional’nogo stilia (Russian Architecture of the 18th – the Beginning of the 20th Centuries. In the Searching of the National Style)*. Moscow, Belyi gorod Publ., 2009. 567 p. (in Russian).
- Rodkiewicz W. *Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863 – 1905)*. Lublin, Scientific Society of Lublin Publ., 1998. 295 p.
- Savelev Iu. R. “Vizantiiskii stil’” v arkhitekture Rossii. *Vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka (Neo-Byzantine Style in Russian Architecture. The Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries)*. St. Petersburg, Proekt 2003, Liki Rossii Publ., 2005. 272 p. (in Russian).
- Tsitovich G. A. *Khramy armii i flota (sostoishchie v vedomstve protopresvitera voennogo i morskogo dukhovenstva) (Military and Naval Temples (in the Department of Protopresbyter of the Military and Naval Clergy)*. Piatigorsk, Tipolitografiia A.P. Nagorova Publ., 1913. 520 p. (in Russian).
- Wortman R. *Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy*. Boston, Academic Studies Press Publ., 2014. 442 p.